

Гражданское общество: взгляд из России

*Civil Society: A View from the West /
Zivilgesellschaft: der Blick vom Rußland*

УДК 1:32

Нижников С.А.

Проблемы современной демократии и гражданское общество

Нижников Сергей Анатольевич, доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов

E-mail: nizhnikovs@mail.ru

В исследовании анализируются проблемы современной демократии как наиболее сложной системы власти, нуждающейся в достаточно высоком уровне самосознания граждан. Подчеркивается значимость духовно-нравственных основ демократии, без которых она легко вырождается в свою противоположность. Отмечается, что сегодня демократия из политического идеала народовластия превратилась в геополитическую доктрину однополярного мира.

Ключевые слова: геополитика, духовно-нравственные основы, суверенная демократия, гражданское общество, народовластие, самосознание, тоталитаризм.

Реальная демократия является наиболее сложной системой власти, которая создается даже не десятилетиями, а столетиями. Как любой социально-политический феномен, она носит комплексный и многоаспектный характер. Укажем важнейшие составляющие того образа демократии, который сложился в европейской культуре. Это, прежде всего, наличие среднего класса (в качестве большинства населения) как социально-экономической основы демократии; частной собственности; регулируемой и социально ориентированной рыночной экономики; наличие демократических институтов; правового государства и т.д. Исходя из сказанного ясно, что демократия не может быть насаждаемой сверху или из-за океана, тем более насильственно. Не может быть она также введена просто принятием соответствующей конституции или указами президента, распоряжениями председателя правительства. Не рождается она и на улицах и площадях в драках с полицией. Демократия — это каждодневный труд каждого и дело всего народа, в котором, конечно, важнейшую роль играет элита. Тем не менее, реальная демократия и гражданское общество вырастают снизу, из развитого самоуправления [Махаматов 2005], что так подчеркивал и на чем настаивал А.И. Солженицын.

Уже широко известный сейчас русский философ И.А. Ильин был против немедленного внедрения демократии в России, считая, что она

«...не есть легко вводимый и легко усвояемый режим. Напротив — труднейший... Демократия предполагает исторический навык, приобретенный народом в результате долгого опыта и борьбы, она предполагает в народе культуру законности, свободы и правосознания; она требует от человека — политической силы суждения и живого чувства ответственности. А что же делать там, где всего этого нет? Где у человека нет ни имущества, ни умственной, ни волевой самостоятельности? Где все подготовлено для своекорыстия и публичной продажности? Где дисциплина не сдерживает личного и совместного произвола? Все-таки вводить демократический строй? Для чего же? Чтобы погубить государство и надругаться над всеми принципами демократии? Чтобы все кончилось коррупцией, безобразной смутой и разложением государства? И все во имя доктрины?» [Ильин 1991, с. 144].

Нижников С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Сейчас эти слова уже можно расценить как пророческие, так как новейшая Россия в конце XX века не смогла избежать всего того, о чем предупреждал Ильин в начале XX века.

Отечественные мыслители указывали, что самой большой проблемой создания демократии являются не наличие соответствующих институтов, а уровень самосознания граждан. Новгородцев, вслед за Ильиным подчеркивал, что демократия, как наиболее сложная система организации власти «требует и большей зрелости народа». По сути она есть самоуправление народа, но «это должен быть народ, созревший для управления самим собою, сознающий свои права и уважающий чужие, понимающий свои обязанности и способный к самоограничению. Такая высота политического сознания никогда не дается сразу, она приобретает долгим и суровым опытом жизни» [Новгородцев 1995, с. 396]. Поэтому демократия невозможна без воспитания народа, без повышения его нравственного уровня, без развития политической культуры.

Современная западная демократия выросла на древе буржуазного либерализма, сдобренного социал-демократией. Однако, по мнению Г. Федотова, «Отказавшись от христианского идеала своей молодости, и даже от рационализма своих зрелых лет, современная демократия ищет оправдания принципу большинства в относительности всякой истины и всякой ценности. Но такое мировоззрение разрушает культуру и обезличивает человека» [Федотов 2004, т. 9, с. 286].

М.К. Мамардашвили, как и Лео Штраус, подчеркивает, что гражданское европейское общество «кристаллизует евангельское христианство в секуляризованных социальных и гражданских институциях». Поэтому демократия может быть демократией только тогда, когда она вторична, а не первична: вторична от того духовно-нравственного культурного фундамента, который формировался столетиями и даже тысячелетиями, создавая особую «пространственно-временную плотность истории». Мамардашвили далее отмечает (а это был приблизительно 1989 г.), что российское пространство в этом смысле «почти что пустое», ибо в нем недостаточно «исторических точек», «сцеплений» и «сгущений», на основе которых только и возможна гражданская позиция, свобода и ответственность граждан страны. «Сцепления» и «сгущения» «завязывают историю», ибо «сама по себе она не течет» [Мамардашвили 2008, с. 234–235, 240–241]. Нельзя сказать, что опыт в России XX века недостаточно богат и трагичен, но из него еще не извлечены смыслы, еще не произошла кристаллизация катастрофического опыта, и потому возможны повторы безумия. И вряд ли за прошедшие два десятилетия этот опыт извлечен в достаточной степени. А если он не извлечен, то не спасут никакие институты и никакие законы и указы, ибо их действенность определяется указанной социальной «плотностью».

Если не возникло представления о незыблемости естественных прав человека, то не будет действовать и позитивное, сколь хорошо бы оно ни было разработано. Мамардашвили подчеркивает, что «простая механическая или натуральная совокупность, общежитие людей лишь через такого рода связность превращается в общество. И гражданское общество, это, конечно, не общество вообще и не общество отдельно от других обществ, а есть определенное качество общества. Вот качественное общество есть гражданское общество. Оно не все общество, а общество, приведенное в определенное состояние... Убери усилие и исчезнет гражданское общество. Вот у греков: исчезло усилие, и исчезло гражданское общество еще до того, как варвары его разбили» [Мамардашвили 2008, с. 242]. То же произошло и с немцами в 20-е годы XX века, когда была создана Веймарская республика с ее сложными демократическими институтами. Куда проще оказалось взаимодействие «один фюрер, один народ», — такая прямая, непосредственная демократия, приведшая к чудовищным последствиям. В России мы наблюдаем такую же картину в то время, когда советская власть — тоже фактически прямая «народная» демократия — вырождается во власть тирана и тоталитарную партократию. Мамардашвили утверждает, что в 1917 г. произошло «коллективное самоубийство общества и государственности», общество вступило в «зону распада социальных связей», породивших лавину последствий. И вот мы до сих пор «имеем это максимально разряженное пространство, пустое пространство...», в котором «почти что нет точек, в которых мое усилие завязалось бы», создав в качестве объективации гражданское общество. Все в социальном мире, по мнению Мамардашвили, зависит от усилий личности человека, поэтому «Если социальная теория говорит о чем-то, чего я не могу сделать, в чем не могу участвовать, и понимание чего не может стать элементом моего действия, то такая теория не существует» [Мамардашвили 2008, с. 242–243, 245]. Ведь главное в социальном действии — утверждение свободы человека, а если таковой нет, да еще и теория подводится под этот детерминизм, то происходит уничтожение и свободы, и основанной на ней социальности.

«Почему вообще нужна история?» — задается вопросом мыслитель. И сам же отвечает, что «время есть усилие, усилие бытия». Нам дано время, и личное, и историческое, чтобы мы состоялись, состоялись как граждане, чтобы на основе наших поступков могла возникнуть такая «связность», которую называют гражданским обществом. И нет других, внешних путей для этого. «Драму души» Мамардашвили, в духе Достоевского, рассматривает как «одну из исторических сил в человеке»: «То, что в действительности кажется социальными реакциями, социальными ролями... в действительности является драмой души... Так что труд души и свободы, труд свободы и есть собственно история. И очевидно, в исторической сфере, или в сфере сознания (что одно и то же), прямыми путями являются только кривые (как, очевидно, в неевклидовой геометрии). Прямо — ничего нельзя», ибо «благими намерениями дорога в ад выстлана. Так призывы к

Нижников С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

прямой демократии и «гражданскому обществу» здесь и сейчас могут вести к развалу уже тех связей, которые худо-бедно, но работают. Разгул «демократии», как показала Веймарская республика, 1917 и 1991 гг. в России могут вести к разрушению социальности, а отнюдь не построению реального гражданского общества. Все реальное, как говорит древнекитайская мудрость, совершается медленно, но и неотвратимо.

Демократия, правовое государство, гражданское общество и другие важнейшие философские и социально-политические понятия представляют, выражаясь языком Макса Вебера, «идеальные типы», которые вообще в реальности в полном объеме невозможны, но к которым необходимо стремиться, чтобы в результате в «осадок» выпадало какое-то более-менее устроенное человеческое общество. В это связи демократия, как и другие указанные понятия, представляют в действительности процесс. Поэтому даже несколько некорректно спрашивать, есть где-либо демократия, или ее нет. Она всегда в какой-то степени есть, а в какой-то нет. Но ни одну страну в мире нельзя назвать всецело демократической. Каждая страна находится на той или иной стадии становления или развития демократии.

Особенно важны для демократии свобода слова, СМИ и совести (мировоззрения). Уже Иммануил Кант утверждал, что даже одной гласности достаточно, чтобы общество начало демократизироваться и излечивать свои язвы. Понимая это, видимо, М. Горбачев начал перестройку именно с гласности. Вместе с тем необходимо отметить, что ни демократия, ни гласность и другие принципы не являются самоцелью. Цель и высшая ценность — утверждение ответственной свободы и наличие реальных прав личности. Однако иногда свобода слова и гласность, также как и сама демократия, интерпретируются как самодостаточные, нанося на деле вред личности, обществу и государству. Это происходит, когда демократия понимается как вседозволенность и анархия, а свобода слова превращается в его произвол, лишенный всяких моральных ограничений, правовой и гражданской ответственности. Однако искусственное и командное, насильственное ограничение свободы слова столь же плохо, как и его произвол. Контроль над СМИ должен быть прежде всего общественным, профессиональным и моральным. Гражданское общество естественным путем должно при помощи своих или специальных институтов давать правовую и моральную оценку деятельности СМИ.

В целом гражданское общество определяют как прямо не зависящие от государства и политической системы общественные институты и отношения, которые обеспечивают условия для реализации частных интересов и потребностей людей. Впервые гражданское общество пытался определить Аристотель, в Новое время его разрабатывал Гегель, определяя его как «систему всесторонней зависимости», как «дифференциацию, которая выступает между семьей и государством». Он полагал, что гражданское общество создано впервые в современном ему мире и содержит в себе три момента: а) систему потребностей, которая удовлетворяется посредством труда; б) правосудие как форму защиты собственности; в) полицию и корпорации как «заботу о предотвращении остающейся в этих системах случайности». Гегель подчеркивал, что развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства. Государство как единство различных лиц уже представляет собой гражданское общество, но только по определению, а не по понятию. Он отмечал, что в гражданском обществе «средства к существованию и благо единичного и его правовое наличное бытие переплетены со средствами существования, благом и правом всех, основаны на этом и только в этой связи действительны и обеспечены». Субъектом гражданского общества является «гражданин вообще (в качестве bourgeois)», т. е. для Гегеля полноценным гражданином может быть только собственник [Гегель 1990, с. 235].

Сейчас гражданское общество определяют как сферу жизнедеятельности людей, организованную и внутренне упорядоченную, свободную от непосредственного влияния со стороны государства и его должностных лиц. В гражданском обществе и посредством его люди реализуют свои частные интересы, объединяются в группы и организации. Если в государственной системе управления преобладают иерархические, вертикальные связи, то в гражданском обществе — горизонтальные, координационные.

Демократия, правовое государство и гражданское общество невозможны без взаимной ответственности власти и народа: граждане также обязаны соблюдать законодательство и нести ответственность в случае их нарушения в соответствии с законом. «Каждый народ достоин своего правительства» (Гегель), однако, вместе с тем, не каждое правительство достойно своего народа (а бывает так, что и электорат может быть недостойн своего правительства). Власть также ответственна перед народом — она призвана обеспечивать равные возможности для граждан пользоваться защитой закона, признавать неотчуждаемые права человека, которые не должен нарушать закон.

Вместе с тем относительно гражданского общества существует несколько устойчивых и усиленно навязываемых обществу мифов. Первый из них — об отсутствии гражданского общества в России. Действительно, оно еще не сложилось как система независимых институтов, способная оказывать существенное воздействие на государство, осуществлять действенный контроль над его деятельностью. Страна находится еще в начале этого сложного пути, прохождение которого усугубляется пассивностью обывателей, критиканством и нигилизмом интеллигенции, отсутствием стремления к самоуправлению, что связано с многовековым подавлением народной инициативы вначале крепостным правом, а затем тотали-

Нижников С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

тарным режимом. Однако нельзя сказать, что гражданское общество в России полностью отсутствует. Последние годы можно привести множество примеров, когда граждане, их объединения, отстаивали свои права и добивались успеха.

Следующий миф касается противостояния гражданского общества и государства, как будто у них не одна и та же задача — создание хорошо функционирующего общества. Гражданское общество должно критиковать власть там, где она совершает ошибки, предохранять ее от них, с другой, — поддерживать усилия властей, направленные в сторону созидания и развития. Власть не может все делать плохо, у нас же даже то, что делается хорошо, — все равно плохо. Еще со времен Троцкого и ранее его, основная масса нашей интеллигенции и СМИ живут по правилу, «чем хуже, тем лучше», и даже — «чем лучше, тем хуже», т.е. априорно исходят из того, что у нас не может быть ничего хорошего, особенно со стороны власти. Это хорошо известный со времен Достоевского и «Вех» феномен, называемый нигилизм. Именно он разъедает наше государство и не дает созидать нормальное гражданское общество. И зачастую именно те, кто с пеной у рта ратуют за гражданское общество, его же и разрушают распространением яда нигилизма по отношению ко всему, что происходит в стране. Остается только посочувствовать студентам, что они вынесут из этого нигилизма? Как они будут жить и строить новую страну, которую их учат презирать? В настоящее время необходима консолидация гражданского общества и государства, ибо у них одни цели и задачи, и одна страна — Россия, которую, как, оказывается, так легко разрушить и потерять за разговорами о «демократии» и «гражданском обществе». Так уже было в 1917, так повторилось в 1991.

В противовес этому К.С. Сердобинцев указывает на развитие конструктивного сотрудничества руководства России, государственных институтов с общественными организациями. Такое сотрудничество является «стратегической задачей в деле укрепления российской государственности, от решения которой во многом зависит ускорение процесса формирования самих общественных институтов» [Сердобинцев 2013, с. 4]. Государство не может решить стоящих перед обществом проблем без опоры на гражданское общество. Сегодня руководство России это понимает и к этому стремится.

Еще один миф касается обвинения власти в отсутствии гражданского общества. Здесь вообще мы вступаем в сферу какого-то шизофренического восприятия государства со стороны нашей «передовой» («креативной», как сейчас стало модным говорить) общественностью: с одной стороны, власть упрекают в том, что она ничего не делает по созданию гражданского общества, с другой, как только она предпринимает какие-либо шаги в этом направлении (организация деятельности Общественной Палаты, например), ее сразу обвиняют в том, что она стремится создавать подконтрольные себе институты. А выход из этой ситуации один: интеллигенция, наконец, должна начать не просто говорить о гражданском обществе на конференциях и митингах, но реально созидать его собственным каждодневным трудом. Можно начать с собственного подъезда и детской площадки у дома, с собственного трудового коллектива и т.д. и т.п. У нас же выработалась привычка, если лампочка в подъезде не горит, значит, виноват президент или премьер и они, сговорившись, уж точно против «демократии». Зато известные оппозиционеры могут обсуждать с высшими должностными лицами других стран, кто у нас должен быть очередным президентом, и поддерживать кого они рекомендуют Соединенным Штатам. Такой вакханалии «демократии» нет, пожалуй, нигде в мире. У нас самые «демократичные» демократы в мире, только, к сожалению, не российского, видимо, народа.

Возникают проблемы и теоретического свойства, исходящие из определенного типа общественных отношений, своеобразных и неповторимых в каждой стране. Согласно К.С. Сердобинцеву «Некритический перенос концептуальных положений и терминологии западной — особенно англосаксонской — социальной мысли о государстве и гражданском обществе на российскую действительность приводит к её неадекватному восприятию и снижению способности осмысления собственных, отличных от европейской истории, вызовов» [Сердобинцев 2013, с. 5]. Обращаясь к истории русской мысли, автор выявляет два подхода к исследованию проблем гражданского общества: политико-правовой, развивающий концепцию правового государства (Б. Чичерин, П. Новгородцев и др.), и социально-философский (С.Л.Франк, Л.П. Карсавин, И.А. Ильин и др.), рассматривающий гражданское общество в рамках религиозно-философской традиции. Для второго подхода характерен взгляд на гражданское общество как социально-духовный феномен.

Согласно известному славянофилу XIX в. И.С. Аксакову (1823–1886), гражданское общество (в его терминологии — «общество») находится «между государством и народом». Оно «не есть ни сословие, ни цех, ни корпорация, ни кружок,.. а совокупная деятельность живых сил, выделяемых из себя народом», оно есть «народ самосознающий», оно «есть та среда, в которой совершается сознательная, умственная деятельность известного народа, которая создается всеми духовными силами народными, разрабатывающими народное самосознание». Отсутствие общественной деятельности «делает народ бессильным, а государство несостоятельным». И «чем выше умственный и нравственный уровень, тем сильнее и общество» [Аксаков 2008, с. 77, 73–74, 92, 78].

Сейчас есть необходимая юридическая основа для создания и развития гражданского общества в России, и высшая политическая власть, взяв курс на модернизацию страны, с необходимостью заинтересована в развитии реально действующих демократических институтов. Но для этого одной законодательной базы и желания власти мало, — необходи-

Нижников С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

мо реальное участие граждан в этом процессе. В конце концов, созидать гражданское общество — задача граждан, а не власти. И если у нас нет гражданского общества, то начать надо с себя. Как говорили наши знаменитые либералы прошлого, прежде, чем воспитается гражданин, не может возникнуть гражданское общество. Только личность может быть реальным членом гражданского общества, созидать его. Полноценным гражданином может быть человек, не только наделенный юридическими правами и обязанностями, но и имеющий достаточный уровень самосознания, то есть осознанно относящийся к себе, своему месту и роли в обществе, активно участвующий в политической жизни. И здесь необходимо избегать как аполитичности, так и политиканства, равно наносящих ущерб обществу. Самая большая наша проблема — это дефицит личностей. Личность характеризуется независимостью и ответственностью, моральностью. И в этой связи можно сказать, что главное поле борьбы за народовластие и гражданское общество — студенческие аудитории и школьные скамьи. И именно здесь требуется наше реальное участие. В этой сфере лежит наша ответственность и наше дело, которое неизбежно принесет свои плоды в будущем.

Исследователи отмечают, что «Американская трактовка русской демократии фактически строится на противопоставлении России Западу и опирается на теорию европоцентризма и американской исключительности. По сути, это своеобразное отражение стереотипов восприятия по типу «свой — хороший, чужой — плохой»» [Лаптева 2009, с. 101]. Демократия уже давно перестала мыслиться в своем истинном смысле слова, превратившись в оружие «духовного княжения» (Макиавелли) определенных сил в мире: «В этом случае развитие демократии в России рассматривается как необходимый инструмент для обеспечения американских интересов в мире» [Лаптева 2009, с. 104]. В этой ситуации необходимо «выпрямление имен», о чем утверждали уже древнекитайские мудрецы, т.е. необходимо вернуть демократии ее истинный смысл как народовластия, как демократии суверенной.

А.С. Панарин (1940–2003), продолжая эту традицию, понимал гражданское общество как, прежде всего, «объединенное некими ценностями или идеями». Его не могут создать «атомизированные личности». Гражданское общество — «это общество активное, самостоятельное, готовое к кооперации, к объединению, к взаимной поддержке, к дружному давлению на власть, на олигархические кланы» [Панарин 2004.а, с. 14–15]. При этом человек должен быть готов пожертвовать своей частной жизнью ради общих ценностей и целей.

В этой связи Панарин особенно подчеркивает, что нельзя понимать гражданское общество «только в некоем экономико-центристском смысле — как совокупность предпринимателей, независимых от государства», его необходимо понимать «как духовное объединение людей на основе общих ценностей, верований, идеалов, готовности их защищать, и, конечно, на основе общих интересов. Это совокупность групп, а не индивидов-атомов» [Панарин 2004.а, с. 15]. Исходя из этого понимания разношерстная толпа из различного рода представителей «креативного класса» — это далеко еще не гражданское общество, а скорее пародия на него, его вырождение. Гражданское общество — это не сборище «рассерженных горожан», а ответственных граждан, стремящихся к солидарности, созиданию, а не разрушению. Максимализм целей, безответственное критиканство и разъедающий яд нигилизма не способствуют развитию, принося только вред обществу и государству.

В либеральной трактовке, продолжает Панарин, гражданское общество понимается как неисторический феномен. Оно имеет абстрактные идеологические цели и скорее являет войну всех против всех, чем солидаризм. Фактически основываясь на принципах социал-дарвинизма, такое «общество» может породить гражданскую войну, а не демократию. Если его рассматривать в ценностном аспекте, — то это возврат в дохристианскую языческую эпоху. Панарин приходит к выводу, что «Перед человечеством стоит угроза колоссального срыва, падения назад, в какие-то палеонтологические глубины истории» [Панарин 2004.б, с. 25]. Реальное и действенное гражданское общество нуждается для своего формирования в единстве не только целей, но и ценностей, которые не могут быть иными, как только христианско-социальными (пусть и секуляризованными), объединяющими в том числе и светские, и иные религиозные конфессии. В социальном справедливом сильном демократическом государстве нуждаются все граждане России, вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности.

Философ советского периода М.К. Мамардашвили (1930–1990), подчеркивал, что простая механическая совокупность людей лишь только через определенного рода связность превращается в гражданское общество, которое являет собой не общество вообще, а «определенное качество общества», «качественное общество»: «общество, приведенное в определенное состояние». Если убрать усилие, то исчезнет и гражданское общество, как это случилось у греков: «исчезло усилие, и исчезло гражданское общество еще до того, как варвары его разбили» [Мамардашвили 2008, с. 242]. То же произошло и с немцами в 20-е годы XX в., когда была создана Веймарская республика с ее сложными демократическими институтами. Куда проще оказалось взаимодействие «один фюрер, один народ», — такая прямая, непосредственная демократия, приведшая к чудовищным последствиям. В СССР наблюдалась такая же картина, когда советская власть — тоже фактически «прямая народная демократия» — вырождается во власть тарана и тоталитарную партюкратию. Мамардашвили утверждает, что в 1917 г. произошло «коллективное самоубийство общества и государственности», общество вступило в «зону распада социальных связей», породивших лавину последствий. И вот мы до сих пор «имеем это максимально раз-

Нижников С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

раженное пространство, пустое пространство...», в котором «почти что нет точек, в которых мое усилие завязалось бы» [Мамардашвили 2008, с. 242, 243], создав в качестве объективации гражданское общество.

Все в социальном мире, по мнению Мамардашвили, зависит от усилий личности человека, поэтому «Если социальная теория говорит о чем-то, чего я не могу сделать, в чем не могу участвовать и понимание чего не может стать элементом моего действия, то такая теория не существует» [Мамардашвили 2008, с. 244, 245]. Ведь главное в социальном действии — утверждение свободы человека, а если таковой нет, да еще и теория подводится под этот детерминизм, то происходит уничтожение и свободы, и основанной на ней социальности. «Почему вообще нужна история?» — Задается вопросом мыслитель. И сам же отвечает, что «время есть усилие, усилие бытия». Нам дано время, и личное, и историческое, чтобы мы состоялись, состоялись как граждане, чтобы на основе наших поступков могла возникнуть такая «связность», которую называют гражданским обществом. И нет других, внешних путей для этого. Ни президент, ни премьер не могут сделать это за нас. «Драму души» Мамардашвили, в духе Достоевского, рассматривает как «одну из исторических сил в человеке»: «То, что в действительности кажется социальными реакциями, социальными ролями... в действительности является драмой души... Так что труд души и свободы, труд свободы и есть собственно история. И очевидно, в исторической сфере, или в сфере сознания (что одно и то же), прямыми путями являются только кривые (как, очевидно, в неевклидовой геометрии). Прямо — ничего нельзя» [Мамардашвили 2008, с. 246, 247], ибо «благими намерениями дорога в ад выстлана». Так призывы к прямой демократии и «гражданскому обществу» здесь и сейчас могут вести к развалу уже тех связей, которые худо-бедно, но работают. Разгул «демократии», как показала Веймарская республика, 1917 и 1991 гг. в России могут вести к разрушению социальности, а отнюдь не построению реального гражданского общества. Все реальное, как говорит древнекитайская мудрость, совершается медленно, но зато и неотвратимо.

Гражданское общество в России, как и в любой другой стране, должно строиться с учётом её традиций, норм и ценностей, вырастать из социокультурного наследия, доминирующей ментальности. Исторический опыт наций неповторим, это касается и западной либеральной модели гражданского общества, где ключевым фактором выступала система отношений собственности. Отечественная же история показывает приоритетность неэкономических факторов. В этой связи «Необходимо перестать рассматривать русский исторический путь как девиантный» [Панарин 2004.б, с. 25]. В России государство всегда выступало основным инициатором формирования гражданского общества, особенно когда требовалось преодолеть смутные времена. Приобретая же деспотические тоталитарные формы государство, естественно, могло и подавить все институты гражданского общества. В любом случае его роль является ключевой, и она востребована в современных условиях: «Государство должно выступать не как противостоящая гражданскому обществу величина, а как необходимый институт общественной жизни, предотвращающий или ограничивающий появление таких форм организации населения, в которых групповые, частные интересы резко противостоят общественным» [Панарин 2004.а, с. 12, 11]. О России можно сказать: «Государство — это наше все».

При анализе любых социальных факторов необходимо исходить из «фактической нормативности», т. е. не навязывать конкретному обществу стереотипы, выработанные в другом социоисторическом контексте, так как они не будут работать в иных условиях. Это касается также и понятийного аппарата науки: «Все эти понятия, заимствованные целиком из области условий политической деятельности Запада и без толку применяемые к нашей общественной жизни, — указывал еще И.С. Аксаков, — ровно ничего у нас не выражают, хотя и пользуются большим почетом...» [Аксаков 2008, с. 94]. При переносе в иные типы обществ этот аппарат оказывается не вполне адекватен, а насильственное проведение списанных под лекало реформ приводит к разрушению сложившихся в данном обществе связей, не к прогрессу, а регрессу. Применяя эти необходимые методологические идеи, К.С. Сердобинцев пишет: «Главное в том, что власть в России не является институциональным политическим оформлением воли гражданского общества, итогом генезиса и развития его институтов. Власть сама формирует всё, включая и гражданское общество. Государство выступает в России в роли политического института, являющегося формой и средством конституирования прочих институтов самоорганизации общества. <...> Привлекательные идеи, социальные гипотезы, политические технологии, пришедшие с Запада, не работают, или, по крайней мере, не дают ожидаемого результата в России. <...> России нужно сильное государство, потому что оно политически и символически скрепляет плохо организованное, атомизированное гражданское общество. Проблемой является не то, что общественная интеграция, идентификация и коммуникация осуществляются государством, а то, что иные институциональные скрепы общества крайне слабы» [Сердобинцев 2013, с. 26, 27].

Автор призывает вернуться к гегелевскому пониманию гражданского общества как более адекватному для России, в основе которого не индивидуалистическая свобода, а целостный корпоративно-этактистский мир. В любом случае в этой связи можно говорить о существовании разных типов гражданского общества, которые необходимо выявлять и изучать. В ином случае наука подменяется идеологией, исходящей из априорно принимаемого за истину определенного типа гражданского общества, выросшего в других социоисторических, экономических и культурных условиях. Чаще всего за такую «истину» догматически принимается англосаксонский опыт, навязываемый всем иным типам обществ, который

Нижников С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

неизбежно становится деструктивным по отношению к ним. В итоге порождается не демократия, а охлократия или новый, еще более изощренный вид тоталитаризма.

Относительно митинговой активности в России в период выборов 2011–2012 гг. американский политолог Дмитрий Саймс отмечает следующее: «Что же касается демонстраций в России — у меня было четкое ощущение, что они иногда делались для иностранных корреспондентов, и одним из мотивов было желание быть замеченными в Вашингтоне» [Сапжнкова 2012]. Мнение политологов в отношении протестного «болотного» движения разделилось. Кто-то стал говорить о том, что гражданское общество «проснулось», а кто-то увидел в представителях этого движения лишь «рассерженных горожан», или даже «городских сумасшедших», «городской плебс», состоящий, как это ни парадоксально, преимущественно из «интеллигенции» и «офисного планктона» (офисных работников), мелких предпринимателей, «паразитического» среднего класса, ничего не производящего, а живущего лишь за счет осуществления посреднических функций. Могут ли эти слои, смешавшиеся в разношерстной толпе, представлявшей самые разнообразные идеологические течения, вплоть до противоположных, рассматриваться как гражданское общество?

Вот что о таких горожанах, вышедших в Москве в декабре 2011 г. на Болотную площадь пишет М. Кантор в книге «Красный свет»:

«Шагали птенцы гнезда Усманова — служащие империи миллиардера Усманова, свободолюбивые журналисты на сумасшедшей зарплате. Шли прохоровцы — примкнувшие к штабу избирательной кампании миллиардера Прохорова, которому некогда подарили весь российский никель. За ними тянулись те, кого окармливал богач Абрамович, — персонажи арт-сцены.

А далее шли все подряд, так примыкают к войску малые отряды вольных стрелков и мелких феодалов.

Шли свободолюбивые менеджеры среднего звена, шли взволнованные системные администраторы, шли маркетологи с горящими глазами, шли обуянные чувством собственного достоинства дистрибьюторы холодильников. Шли колумнисты интернет-изданий, гордые гражданской позицией; шли галеристы и кураторы, собирающие коллекции богатым ворам; шли юристы, обслуживающие вору и считающие, что свою зарплату они получили заслуженно, а чиновный коррупционер ее не заслужил. Шли негодующие рестораторы и сомелье, которые более не могли молчать» [Кантор 2013].

Престарелый советник американских президентов, Збигнев Бжезинский и сейчас не отказывается от своих планов по будущему развалу России с использованием того, что он называет «гражданским обществом». Он высказывает сожаление, что «Америка не сумела обратить себе на пользу распад СССР», надеется, что если она «будет достаточно мудрой в своих действиях, то в следующие 20–30 лет мир увидит разительные перемены в этой части земного шара, сравнимые с 90-ми годами прошлого столетия, когда под Рождество, рухнул СССР». Связывает он свои надежды с новым «гражданским обществом», «оппозиционным интернациональным средним классом», который в год выборов стал выходить на улицы и площади российских городов [Симонова 2012]. Таким образом, мы видим, как понятие гражданского общества (как и «демократии») полностью искажается, превращаясь по сути в свою противоположность — не в созидательную, а разрушающую общество и государство силу. В таком виде оно вполне укладывается в геополитическую доктрину однополярного мира.

Специфика гражданского общества в современной России заключается в его относительно позднем генезисе, низком уровне самостоятельности, недостаточной инициативности, невысокой институциональной развитости и т.д. Эти обстоятельства как раз повышают роль и значимость государства для развития гражданского общества в России. Сейчас есть необходимая юридическая основа для его создания и развития, а высшая политическая власть, взяв курс на модернизацию страны, с необходимостью заинтересована в развитии реально действующих демократических институтов. Но для этого одной законодательной базы и желания власти мало, — необходимо реальное участие граждан в этом процессе. В конце концов, созидать гражданское общество — задача граждан, а не власти. И если у нас нет гражданского общества, то начать надо с себя. Как говорили знаменитые русские либералы прошлого, прежде, чем воспитается гражданин, не может возникнуть гражданское общество. Только личность может быть реальным членом гражданского общества, созидать его. Полноценным гражданином может быть человек, не только наделенный юридическими правами и обязанностями, но и имеющий достаточный уровень самосознания, то есть осознанно относящийся к себе, своему месту и роли в обществе, активно участвующий в политической жизни. И здесь необходимо избегать как аполитичности, так и политиканства, равно наносящих ущерб обществу. Самая большая проблема — это дефицит личностей. Личность же характеризуется независимостью и ответственностью, моральностью. И в этой связи можно сказать, что главное поле борьбы за народовластие и гражданское общество — студенческие аудиториумы и школьные скамьи.

Демократия из политического идеала народовластия превратилась в идола, требующего все новых и новых жертв. Современные разговоры о демократии сделали ее заложницей определенных геополитических интересов. Демократия сейчас — это священная корова однополярной геополитики, результат идеологического диктата одного суверена и его идеологии над миром. Следствие этого — двойные стандарты, деление мира на «ось зла» и «ось добра», «плохих» и

Нижников С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

«хороших парней». Как отмечает Е.В. Лаптева, «Обращаясь к работам американских авторов, необходимо помнить о том, что одной из черт американской политической культуры является настойчивое, а зачастую агрессивное распространение собственной модели экономического и политического развития. Американские политологи нередко отказываются от учета конкретного многообразия моделей, понятий и опыта. Они воспринимают американскую демократию, американский исторический опыт как безусловный образец для подражания» [Лаптева 2009, с. 101]. И при этом «провинившихся» все время отчитывают за несоблюдение либерально-демократических принципов, они уже заранее поставлены в положение обвиняемых (презумпция невиновности здесь не работает). Демократия сейчас — это новый вид оружия массового уничтожения, а именно, разрушения сопротивляющихся мировому суверену политических систем. Эта «демократия» действует безотказно, лучше ядерного оружия, разрушает неудобные государства как извне, так и изнутри, подпитывая «либеральную» оппозицию. Хотя всегда ясно, за какую «свободу» и для кого борется эта «оппозиция», ясно и какими методами — любыми, в том числе постоянной ложью, клеветой, зомбированием, подкупом и даже призывами к насилию и осуществлением насилия («цветные революции»). Когда речь идет о борьбе за «свободу», нет времени разбираться в средствах, думать о тех, для кого она должна восторжествовать. Под лозунгом свободы позволительно делать все, как в 1917 году под лозунгом равенства. Современный радикальный «либерализм» в России — это своеобразный большевизм начала XXI века. В России нет «демократии», зато она есть в Ираке (террор и фактически гражданская война, идущая там, не принимаются во внимание). Выборы, проводимые в России, подвергаются сомнению и зачастую не признаются, а в Ираке и Афганистане, находящихся под оккупацией, где совершаются почти ежедневные теракты с многочисленными жертвами — фактически были признаны еще до их осуществления.

Понятие демократии извращено не только в международной политике, но и у нас в стране. Когда олигархи становятся защитниками демократии, то что-то неладно или с олигархами, или с той «демократией», которую они отстаивают. Ведь уже со времен Платона и Аристотеля известно, что наличие олигархов и демократия несовместимо.

Эти беззаветные любители человечества, — как сказал бы Достоевский, — сколько бед они уже принесли и еще принесут людям своим желанием построить то ли коммунистический рай на Земле, то ли (можем мы добавить в начале века XXI) либеральную демократию при помощи насилия и войск. В любом случае требуются жертвы, но затем тем, кто выживет, будет «хорошо». Именно так произошло с бывшей Югославией, которую просто разбомбили силы НАТО в центре Европы. XX и XXI века с мировыми войнами и геноцидом, бомбометаниями во имя демократии, убийством человека во имя равенства (начало века) и свободы (его конец), показали, какими методами действуют большевики и их идеологические антиподы. Хотя до прихода к власти и большевики были самыми большими «демократами» и отстаивали свободу «пролетариата».

Некоторые наши правозащитники, кормящиеся от различных зарубежных фондов и спецслужб (мыслима ли такая «оппозиция» в какой-либо цивилизованной демократической стране?), избрали объектом своей защиты исключительно олигархов (у которых десятки превосходно оплачиваемых адвокатов), мошенников и террористов, а простого человека некому защищать, ибо что на нем можно заработать? Одни только затраты.

Отметим, что в данном случае критикуются не США, а тем более их народ, ни идеи либерализма и демократии, а, прежде всего определенные политические силы, извращающие гуманистические понятия в угоду своим эгоистическим целям. Такому извращению а затем и критиканству подверглось понятие «суверенная демократия»: его оболгали либеральные СМИ, не успев понять. На деле суверенная демократия — это ответ на «демократическую» экспансию, идеологию однополярной геополитики. Согласно высказываниям В. Суркова нам нужна такая же демократия, как в США, как в Европе, а именно — суверенная, т.е. основанная на власти собственного многонационального народа России [Сурков 2007]. Что же здесь антидемократического? А ведь это вообще единственно возможная форма народовластия. Или нам нужна не суверенная, а привозная? Как известно со времен Линкольна, реальная демократия есть власть народа, для народа и осуществляемая посредством самого народа, т.е. суверенная. Ведь суверенитет государства базируется на суверенитете народа.

Как отмечает В.В. Сербиненко, «одной из особенностей демократической традиции является то, что самая последовательная и глубокая ее критика оказывается инструментом развития демократии и даже необходимым условием ее существования. Безудержная апологетика и псевдорелигиозное поклонение — вот что несовместимо и с демократическим идеалом и с демократической практикой... Сила демократии в признании ее слабостей» [Сербиненко 2010, с. 305].

С.Л. Франк, В.В. Розанов, И.А. Ильин, А.И. Солженицын указывали, что демократия — это способ, с помощью которого хорошо организованное меньшинство управляет неорганизованным большинством во благо общества [Солженицын 2005, т. 8, с. 48]. В этой связи демократию можно представить как метод приведения к власти лучших. На деле в тех странах, где признается демократия как действительная реальность, существует аристократия. Если же демократия не способна выделить из своей среды лучших и предоставить им контролируруемую народом власть, то демократия вырождается или в охлократию как власть толпы, или «управляемую» (кем-то, но не народом) демократию. Исторически это уже происходило в Древней Греции, где демократия сменялась охлократией или тиранией, почему величайшие философы античности — Сократ, Платон и Аристотель были противниками такой «демократии».

Нижников С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Россия нуждается в народовластии, а не во власти «демократов» без демоса, она нуждается в свободе, но не власти «либералов» с ее пониманием как вседозволенности, безответственности и аморализма, со свободой лишь для избранных. Она нуждается в элите, которая бы действительно отстаивала интересы народа, чтобы не получалось, как это писал А. Панарин, что народ у нас «без элиты».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аксаков И.С. Народ, государство, общество // Наше знамя — русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. С. 67–100.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990.
3. Ильин И. О грядущей России. Джорданвилл, 1991.
4. Кантор М. Красный свет. М.: Изд-во АСТ, 2013.
5. Лаптева Е.В. Тема «русской демократии» в американской политологии и современных научных и общественно-политических изданиях США // Демократия в современном мире: Сб. ст. М.: РОССПЭН, 2009. С. 97–108.
6. Мамардашвили М.К. О гражданском обществе // Опыт физической метафизики (Вильнюсские лекции по социальной философии). М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 213–247.
7. Махаматов Т.М. Демократия как образ жизни народа. Дисс. ... д. филос. н. М., 2005.
8. Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Соч. М.: Раритет, 1995. С. 388–404.
9. Панарин А.С. Ностальгические люди (Интервью с А.С. Панариным) // Логика метаисторического времени. М.: Социально-политическая мысль, 2004.а. С. 9–19.
10. Панарин А.С. Реабилитация бедных — логика метаисторического времени // Логика метаисторического времени. М.: Социально-политическая мысль, 2004.б. С. 20–26.
11. Сапожникова Г. Почему Америке есть дело до всего мира? [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2012. 18 апреля. Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/25870/2835183/>.
12. Сербиненко В.В. Русская идея и перспективы демократии в России // Метафизика социокультурного бытия в опыте русской философии: коллект. монография. Ставрополь, 2010. С. 294–316.
13. Сердобинцев К.С. Гражданское общество и государственный правопорядок: социально-философский анализ. Автореф. дисс. ... д. филос. н. М., 2013.
14. Симонова И. Збигнев Бжезинский — «КП»: Америка не сумела обратить себе на пользу распад СССР [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2012. 14 февраля. Режим доступа: <http://kp.ru/daily/25829/2805033/>.
15. Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? // Собр. соч.: В 9 т. Т. 8. М.: ТЕРРА-Книжный клуб. С. 7–65.
16. Сурков В. Суверенитет — это политический синоним конкурентоспособности // ПРО суверенную демократию: Сб. М.: Европа, 2007. С. 33–61.
17. Федотов Г.П. Н.А. Бердяев — мыслитель // Собр. соч.: В 12 т. Т. 9: Статьи американского периода. М.: Мартис, 2004. С. 278–291.
18. Henderson S. *Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support for Grassroots Organizations*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.
19. Owen J.M. "Transnational Liberalism and US Primacy." *International Security* 26.3 (Winter 2001–2002): 117–152.
20. Trenin D. "Russia Leaves the West." *Foreign Affairs* 85.4 (Jul/Aug 2006): 87–96.
21. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. "A Sociology of dependence in International Relations Theory: A Case of Russian Liberal IR." *International Political Sociology* 1.4 (2007): 307–324.

Цитирование по ГОСТ Р 7.0.11–2011:

Нижников, С. А. Проблемы современной демократии и гражданское общество [Электронный ресурс] / С.А. Нижников // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2014. — Т. 6. — Вып. 1: Гражданское общество и общество граждан: вопросы теории и практики. Тематический выпуск кафедры философии политики и права Философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. — Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprov_r_e-ast6-1.2014.33.

НИЖНИКОВ С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

THE PROBLEM OF CONTEMPORARY DEMOCRACY AND CIVIL SOCIETY

Sergey A. Nizhnikov, D.Phil., Professor at Chair of History of Philosophy, Russian University of Peoples' Friendship (Moscow)
E-mail: nizhnikovs@mail.ru

Democracy, the rule of law, and civil society cannot exist without the authorities' and the people's mutual responsibility: citizens are also required to obey the law and be responsible for any breaches in accordance with the legislation. Nowadays, civil society is defined as an organized and internally ordered sphere of human activity free from any direct influence of the state and its officials. However, there are several persistent myths regarding civil society that are intensely imposed on society. The first one concerns the absence of civil society in Russia. The next myth concerns opposing civil society and the state to each other, as if they had no common goal — creating a well-functioning society. Another myth refers to accusing the authorities of the absence of civil society. We are currently in need of consolidating civil society and the state, because they have the same goals and objectives, and the same country, Russia, which is obviously easy to destroy and lose while talking about "democracy" and "civil society". It already happened in 1917, and repeated in 1991. The government cannot solve the problems society faces without being supported by civil society. Today, the Russian authorities realize this and are committed to this goal.

In addition, there are theoretical problems originating from a specific type of social relations, which are distinctive and country-specific. A.S. Panarin (1940–2003) understands civil society primarily as 'united by certain values or ideas'. It cannot be created by 'atomized individuals'. It implies that individuals must be ready to sacrifice their private lives for the sake of common values and objectives.

Civil society is not a mere bunch of 'angry citizens'; it consists of responsible citizens striving for solidarity and creation, not destruction. Maximalist goals, irresponsible criticism, and corrosive poison of nihilism do not contribute to development; they only endanger society and the state. All the Russian citizens, regardless of their ethnic origin or religious affiliation, need a strong democratic country dominated by social fairness.

M.K. Mamardashvili (1930–1990) emphasizes that a simple mechanical combination of people needs a certain kind of connectedness to be transformed into civil society. Without any effort, civil society will disappear the way it happened to the Greeks. Like Dostoyevsky, Mamardashvili regards the 'drama of the soul' as 'one of the historical forces in man'. The outburst of "democracy", as the Weimar Republic and Russia in 1917 and 1991 demonstrated, may lead to the destruction of sociality instead of constructing a real civil society. All the real things, according to the ancient Chinese wise saying, take place slowly but inevitably.

Democracy and civil society in Russia, as in any other country, should be created in accordance with its traditions, standards, and values, and be based on social and cultural heritage, and the dominant mentality. The historical experience of nations is unique; this statement is also applied to the Western liberal model of civil society, where the system of property relations serves as the key factor. However, Russian history reveals the priority of non-economic factors. In Russia, the state has always acted as the main initiator of the development of civil society, especially when it was required to overcome troubled times. As the state acquired despotic totalitarian traits, it certainly could crush all the civil society institutions. Nevertheless, it plays a key part, and it is demanded in today's conditions. One can say about Russia, "The State Is All We Have". I conclude any social factors should be analyzed on the basis of 'actual normativity', i.e. stereotypes developed in other socio-historical context should not be imposed on a certain society, for they are not likely to work in a different environment.

Keywords: geopolitics, spiritual-moral bases, sovereign democracy, civil society, democracy, self-consciousness, totalitarianism.

References:

1. Aksakov I.S. "People, State, and Society." *Russian Ethos Is Our Banner*. Moscow: Institute of Russian Civilization Publisher, 2008, pp. 67–100. (In Russian).
2. Fedotov G.P. "N.A. Berdyaev as a Thinker." *Collected Writings*. Moscow: Martis Publisher, 2004, vol. 9, pp. 278–291. (In Russian).
3. Hegel G.W.F. *The Philosophy of Right*. Moscow: Mysl Publisher, 1990. (In Russian).
4. Henderson S. *Building Democracy in Contemporary Russia: Western Support for Grassroots Organizations*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.
5. Ilyin I.A. *About the Future Russia*. Jordanville, 1991. (In Russian).
6. Kantor M. *Red Light*. Moscow: AST Publisher, 2013. (In Russian).

НИЖНИКОВ С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

НИЖНИКОВ С.А. ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

7. Lapteva H.V. "Theme of 'Russian Democracy' in American Political Science and in U.S. Modern Scientific and Sociopolitical Publications" *Democracy in Contemporary World*. Moscow: ROSSPEN Publisher, 2009, pp. 97–108. (In Russian).
8. Mahamatov T.M. *Democracy as a People's Way of Life*. Doctoral diss. Moscow, 2005. (In Russian).
9. Mamardashvili M. K. "On Civil Society." *Experience of Physical Metaphysics: Vilnius Lectures on Social Philosophy*. Moscow: Progress-Traditsiya Publisher, 2008, pp. 213–247. (In Russian).
10. Novgorodtsev P.I. "Democracy is in Abeyance." *Writings*. Moscow: Raritet Publisher, 1995, pp. 388–404. (In Russian).
11. Owen J.M. "Transnational Liberalism and US Primacy." *International Security* 26.3 (Winter 2001–2002): 117–152.
12. Panarin A.S. "Nostalgic People (An Interview with A.S. Panarin)." *Logic of Metahistorical Time*. Moscow: Sotsialno-politicheskaya mysl Publisher, 2004.a, pp. 9–19. (In Russian).
13. Panarin A.S. "Rehabilitation of the Poor: Logic of Metahistorical Time." *Logic of Metahistorical Time*. Moscow: Sotsialno-politicheskaya mysl Publisher, 2004.b, pp. 20–26. (In Russian).
14. Sapozhnikova G. "Why Does America Care About the Whole World?" *Komsomolskaya Pravda* [Moscow] 18 Apr. 2012. Web. <<http://www.kp.ru/daily/25870/2835183/>>. (In Russian).
15. Serbinenko V.V. "The Russian Idea and Perspectives of Democracy in Russia." *Metaphysics of Socio-cultural Being in Experience of Russian Philosophy*. Stavropol, 2010, pp. 294–316. (In Russian).
16. Serdobintsev K.S. *Civil Society and State Rule of Law: Social and Philosophical Analysis*. Synopsis of Ph.D. diss. Moscow, 2013. (In Russian).
17. Simonova I. "Zbigniew Brzezinski for KP: America Did Not Manage to Take Advantage of the Collapse of the USSR." *Komsomolskaya Pravda* [Moscow] 14 Feb. 2012. Web. <<http://kp.ru/daily/25829/2805033/>>. (In Russian).
18. Solzhenitsyn A.I. "How To Build a New Russia?." *Collected Writings*. Moscow: TERRA: Publisher – Knizhny klub Publisher, 2005, vol. 8, pp. 7–65. (In Russian).
19. Surkov V. "Sovereignty is a Political Synonym of Competitiveness." *PRO Sovereign Democracy*. Moscow: Evropa Publisher, 2007, pp. 33–61. (In Russian).
20. Trenin D. "Russia Leaves the West." *Foreign Affairs* 85.4 (Jul/Aug 2006): 87–96.
21. Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. "A Sociology of Dependence in International Relations Theory: A Case of Russian Liberal IR." *International Political Sociology* 1.4 (2007): 307–324.

Cite MLA 7:

Nizhnikov, S. A. "The Problem of Contemporary Democracy and Civil Society." *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya* [Electronic Scientific Edition Almanac Space and Time. Civil Society and Society of Citizens: Issues of Theory and Practice. Thematic Issue of the Chair of Philosophy of Politics and Law, Philosophical Department of Lomonosov Moscow State University] 6.1 (2014). Web. <2227-9490e-aprov_r_e-ast6-1.2014.33>. (In Russian).